

"Гроза" Островского и критическая буря.

Ответ критику "Грозы" в журнале "Наше время"

Стоустая молва, как говорилось в старину, опередила вашу статью по поводу новой комедии г. Островского "Гроза":¹ Незадолго до появления критической бури, как вы называете сами свою рецензию, разнеслись слухи, что туча скопляется на листьях нового журнала вашего, от которого мы уже теперь, имея в руках несколько номеров, можем ожидать много добра и пользы.² Слухи не обманули публику. Журнал ваш родился очень почетно, при треске и громе критических залпов. С другой стороны, все слухи и толки оказались ниже дела. Они возвещали только едкую критическую статью, но нисколько не намекали на настоящую цель ее -- лишить г. Островского возможности дальнейшего литературного существования, превратить его имя в пустой звук, сделать из счастливого и сильного деятеля нашего времени жалкий призрак без значения, наподобие тех отживших писателей, присутствие которых уже не чувствуется людьми, которые уже почти не дают от себя тени, как сказочный Питер Шлемиль.³ С первых же строк рецензии большинству ваших читателей, а в том числе и мне, ничего более не оставалось делать, как отказаться от коренных своих убеждений, от признанных эстетических истин, от свидетельства чувств и, наконец, чуть-чуть не от рассудка. Рецензия говорила твердо, решительно: читатель ясно распознавал приглашение обернуться назад, покаяться во всех своих прежде добытых мнениях касательно истины и красоты художественных представлений, словом -- торжественно отречься от всей прежней умственной жизни, как от наваждения лукавого: *vade retro, Satan!* {Отойди, Сатана (*лат.*)-- *Ред.*}⁴ Где слышалась ему прежде живая, народная речь, там рецензия советовала ему воскликнуть вместе с нею: подбор одних грамматических искажений; где чудился ему свежий источник поэзии, там она твердо решала: грязное болото, подлежащее ведению полиции общественного здоровья; где, наконец, признавал он выражение глубокой психической игры чувств и мыслей, там следовало ему, по указанию рецензии, видеть только беснующееся животное, застигнутое в минуту своего болезненного пароксизма. Беспрестанная угроза отнять г. Островского у публики безвозвратно и окончательно, особенно запутывала дело, увеличивая общее смущение. Так пробежали и мы две статьи рецензии, разделенные довольно долгими промежутками времени,⁵ и каждый раз со страхом в сердце: вот придется объявить себя человеком, косневшим дотоле в слепоте и невежестве! Перспектива, согласитесь, весьма неутешительная!..

Но, слава Богу, буря прошла благополучно. Все осталось по-прежнему, как было, точно не появлялось никогда *бурной* рецензии на страницах нового журнала. Я даже принимаю смелость от имени почитателя таланта г. Островского дружески протянуть вам, автору рецензии, руку -- как будто вы никогда и не заподозревали их в слабости обсуждающих способностей и в извращенном состоянии их вкуса. Скажу более -- они обязаны вам благодарностью. Рецензия обличила вполне авторский талант ваш, если тут нужно было какое-либо обличение, и особенно тем, что умела связать несколько дельных и верных замечаний с совершенно ложным, по нашему мнению, основанием и притом так плотно, что разделить их уже нет никакой возможности. Мысль относительно справедливая играет в бурной рецензии нечто похожее на роль красивого контрфорса,⁶ поддерживающего хилое здание, напоминая те изящные контрфорсы готических церквей, которые покрыты узорами, статуями, нишами и предназначены для того, чтобы отводить глаза зрителей от несостоятельности художника в архитектурной механике. Какой-то из современных французских писателей, имевший, вероятно, причины быть недовольным журналами, сказал про критику своего отечества, что ее можно сравнить с болезнью -- раком, который, поселяясь в сердце литературного произведения, разъедает его до тех пор, пока произведение не рассыплется прахом. Особенность этой болезни, этого критического канцера,⁷ по мнению французского автора, состоит в том, что он прилипчив и ненасытен. Совершив свое истребление на одном предмете, он переходит к другому и подвергает его одинаковой участи с первым: такова уже натура критики -- восклицает оскорбленный французский новеллист. Мы живо помним разительный пример точно такого же действия критики и у нас -- именно в известном, едком и остроумном разборе комедии г. Соллогуба "Чиновник".⁸ Второй пример такого же разрушительного характера критики собирались вы дать на произведениях г. Островского -- но здесь, к изумлению нашему, не произошло ничего ужасного. Предмет, выбранный рецензией в жертву

А